

Истории Эстериона

Дом, в котором никто не ночует

Алекс Куверн

Алекс Куверн

Истории Эстериона: Дом, в котором никто не ночует

<https://litres.ru/74367034>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ из мира Эстериона. Основная серия — «Эстерион: Нити Сомкнутой Завесы».

В одном деревенском доме никто не способен провести ночь.

Люди засыпают внутри — и неизменно просыпаются снаружи. Двери оказываются открыты, вещи меняют места, а попытки разобраться в происходящем только добавляют новых странностей.

Эллиан, Каэл и Тарен берутся выяснить, действительно ли дом проклят. Очень скоро оказывается, что самый простой ответ здесь — далеко не обязательно правильный.

А ещё становится понятно, почему местные предпочитают обсуждать этот дом днём.

Содержание

Дом, в котором никто не ночует	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Истории Эстериона: Дом, в котором никто не ночует

Дом, в котором никто не ночует

Дело обещало быть настолько простым, что Эллиан заподозрил подвох ещё до того, как Илмара Дейн дочитала письмо.

Старший магистр стояла у длинного стола в приёмной Риверфолльской башни и придерживала двумя пальцами лист дешёвой серой бумаги, словно тот был виноват уже в одном своём содержании. За открытыми окнами шумел тёплый летний дождь; на нижнем дворе ученики торопливо снимали с верёвок развешанные для просушки травы, а этажом выше человек с очень уверенным голосом в третий раз доказывал Оделле Кэррис, что защитный круг взорвался не из-за ошибки, а вследствие редкого совпадения погодных условий. По тому, как преподавательница отвечала ему всё тише, совпадение вскоре должно было получить имя, запись в учебном журнале и две недели дополнительных занятий.

— Жильцы просыпаются на улице, — повторил Каэл, опираясь бедром о край стола. — Все сразу?

— Все, кто засыпает в доме: хозяйева, двое детей, приезжая сестра хозяйки и однажды староста, решивший лично дока-

зять, что деревенские суеверия преувеличены, — уточнила Илмара.

Тарен сидел на подоконнике и наблюдал за каплями, которые наперегонки ползли по стеклу. Возле его сапога стояла корзина с перевязочными травами, которую Иара просила занести в башню ещё утром; за время разговора несколько поникших стеблей успели распрямиться и теперь осторожно тянулись к свету.

— Староста тоже проснулся на улице? — спросил он.

— В корыте для дождевой воды.

Улыбка Каэла появилась медленно и совершенно неуместно.

— Теперь мне действительно интересно.

— Именно этого я и опасалась, — сухо отозвалась Илмара.

Эллиан протянул руку за письмом. Оно пришло из Рябинового Клина, деревни в зависимой округе Риверфолла, лежавшей в половине дня пути к юго-востоку от города. Там выращивали рожь, держали овец и снабжали южные заставы колёсами, оглоблями и прочей деревянной утварью, которая обычно ломалась раньше, чем её успевали признать частью военного имущества.

Дом принадлежал колёсному мастеру Керсту Нолю. Весной семья отремонтировала старое жильё на краю деревни: заново перекрыла крышу, перестелила полы, сложила печь и обмазала стены. Первые две недели не происходило ничего

необычного, однако однажды утром Ноли обнаружили себя у калитки — в ночной одежде, под одеялами, с подушками под головами и запертой изнутри дверью за спиной.

На следующую ночь они оставили гореть лампы, привязали к ручкам колокольчики и рассыпали муку по крыльцу с внешней стороны порога. Утром семья проснулась возле деревянного сарая. Колокольчики не звонили, мука осталась нетронутой, а дверь снова была заперта. Перед третьей попыткой Керст лёг поперёк входа с топором в руках и обвязал запястье верёвкой, другой конец которой закрепил вокруг ножки тяжёлого стола.

Проснулся он на деревенской площади вместе со столом. Топор лежал рядом, причём на лезвие кто-то аккуратно надел кожаный чехол.

— Вот это мне нравится, — признался Каэл.

Эллиан оторвался от письма и посмотрел на него поверх листа.

— Что именно?

— Представляю того, кто посреди ночи решил, что оставлять топор без чехла небезопасно.

— Ты уже предполагаешь, что это был человек.

— А ты что предполагаешь?

— Пока лишь то, что происходящее не слишком похоже на попытку причинить жильцам вред. Одеяла и подушки переносят вместе с ними, вещи оставляют рядом, оружие обезопасили.

— Значит, дом заботится об имуществе?

— Я этого не говорил.

— Но подумал.

Эллиан снова опустил взгляд к письму.

— Я подумал, что имеющиеся сведения не соответствуют обычному нападению.

— А стол? — спросил Тарен, повернув голову от окна.

Каэл немедленно указал на него.

— Вот. Наконец разумный вопрос.

Илмара положила перед Эллианом второй лист. Уполномоченный башни побывал в Рябиновом Клину вчера утром; после последнего происшествия, случившегося позапрошлой ночью, семья в доме не спала и печь больше не топила. Маг по имени Сарвел Прай не обнаружил ни проклятия, ни некромантии, ни признаков фейского договора, ни повреждения Завесы. Зато в фундаменте и стенах отозвался слабый старый бытовой контур. Сильнее всего магия ощущалась возле печи, входного порога, водяной трубы на кухне и одной из несущих балок второго этажа. В подвале Сарвел срисовал выцветший знак, ладонь над маленьким квадратом, перечёркнутым четырьмя линиями, но определить его назначение не сумел.

В конце отчёта стояла приписка: «Днём контур почти пассивен. Вскрытие пола без плотника и без понимания назначения несущих линий счёл неоправданным. Рекомендую длительное наблюдение в ночное время».

Каэл постучал пальцем по последней строке.

— То есть он осмотрел дом, который выбрасывает людей только ночью, и решил уехать до ночи.

— У Сарвела вечером начиналась смена у южного городского контура, — напомнила Илмара. — И он хотя бы не объявил дом проклятым после первого скрипа половиц.

— Сдержанный человек.

— Предусмотрительный.

— Это мы выясним после того, как дом попробует отправить нас на площадь.

Илмара перевела взгляд на Эллиана. Башня была занята пограничными отметками, проверкой восстановленных домов Старого Брода и ещё несколькими делами, которые, по словам старшего магистра, убедительно доказывали способность двух половин башни одновременно находиться в четырёх разных местах. Трое друзей в это утро оказались единственными, кого можно было послать в деревню без ущерба для других работ.

— Это звучит как наказание за свободное время, — заметил Тарен.

— Именно поэтому ученикам лучше о нём не рассказывать, — сказала Илмара.

Каэл выпрямился и предложил выехать немедленно, но Эллиан посмотрел на дождь, который за последние минуты сделался плотнее и уже скрывал дальний край двора. Если они отправятся сейчас, то придут мокрыми и уставшими

как раз к часу, когда придётся начинать ночное наблюдение. Каэл возразил, что так они увидят всё сразу, и предложил Эллиану поспать в седле.

— Я не умею спать в седле, — сказал тот.

— Я видел обратное.

— Ты видел, как я однажды на несколько минут закрыл глаза.

— И чуть не въехал в телегу.

— Телега изменила скорость.

Тарен поднял корзину с травами и спрыгнул с подоконника.

— Завтра.

— Вы двое заранее договорились? — спросил Каэл.

— Нет. Просто дождь.

Илмара протянула Эллиану деревянную пластину с выжженным знаком башни, позволявшую осматривать дом с согласия владельцев и временно подавлять опасные бытовые чары. На стол следом легли связка небольших латунных мотков, моток серебрёной нити и несколько пакетиков диагностических составов.

— Вернитесь с ответом, — сказала старший магистр. — Желательно, чтобы дом остался на прежнем месте.

Тарен задумчиво посмотрел на пластину.

— Это заметно ограничивает варианты.

Каэл забрал письмо и направился к двери.

— Всё равно дело простое.

Эллиан ничего не ответил. За последние месяцы он научился относиться к слову «простое» как к предупреждению, особенно если его произносил Каэл.

К рассвету дождь закончился, оставив после себя вымытые крыши, блестящую мостовую и туман над Сарвенном. Они выехали через Южные ворота, когда над полями только начинал разгораться бледный свет.

Каэл взял лук, два ножа, короткий меч, дождевой плащ, моток верёвки и запас еды, которого, по его утверждению, должно было хватить ровно на одну ночь. Корзина при этом занимала почти половину седельной сумки и пахла так, будто Мара Ривен намеревалась накормить не троих путников, а всё население проклятого дома вместе с самим проклятием. Тарен ограничился дорожной сумкой, посохом и свёртком трав, добавленным Иарой после того, как она узнала о характере дела. Эллиан вёз два диагностических кристалла, набор чернил, три тетради, справочник по домашним защитным контурам и тонкую книгу о деревенских поверьях Северной Лесной марки.

— Ты понимаешь, что дом не станет ждать, пока ты найдёшь его в указателе? — спросил Каэл, когда позади остались последние сады.

— Я не собираюсь искать дом в указателе.

— Тогда зачем книга?

— Чтобы отличать наблюдение от рассказа человека, который однажды слышал похожую историю от троюродной тётки.

— Обычно в таких историях тётка оказывается права.

— Обычно никто не записывает, сколько раз тётка ошибалась.

Тарен ехал между ними. Утренний ветер шевелил его чёрные волосы и приносил с полей густой запах мокрой земли; по обе стороны дороги тянулись ржаные полосы, пастбища и небольшие рощи. На развилках стояли обычные деревянные указатели, потемневшие после дождя. Каэл всё же притормозил возле первого, сверился с вырезанными на доске названиями и только после этого направил лошадь на южную дорогу.

Эллиан посмотрел на него.

— Ты знаешь, куда мы едем.

— Знаю.

— Тогда зачем проверял?

— Хорошая привычка.

Тарен, ехавший между ними, едва заметно улыбнулся.

— Не спорь. От некоторых привычек он теперь не откажется.

— Каких именно?

— Хороших.

Каэл кивнул.

— Видишь? Тарен понимает.

К полудню они свернули с южного тракта на узкую дорогу, обсаженную рябинами. Ягоды ещё только наливались цветом, зато вымытые дождём листья блестели так ярко, что издали деревья казались припорошёнными серебром. Рябиновый Клин открылся за невысоким холмом: около семидесяти домов, деревянная часовня Аэлии возле развилки, общий колодец, кузница и длинный навес колёсной мастерской. Деревня вытянулась вдоль ручья, питавшего два пруда и терявшегося дальше среди полей.

На дороге их ждали человек двенадцать, включая старосту с перевязанным лбом, женщину в фартуке, троих детей и седого пса, лежавшего посреди грязи с таким видом, будто он единственный не рассчитывал на немедленное чудо. Керста Ноля Эллиан узнал по рукам: пальцы колёсного мастера были широкими, в мелких порезах, под ногти въелась древесная пыль, а на правом запястье темнел синяк от верёвки. Сам Керст оказался невысоким плотным мужчиной лет тридцати пяти, с рыжей бородой и привычкой говорить быстрее, чем успевал решить, какая часть рассказа важнее.

Он сообщил на одном дыхании, что дом цел, после позавчерашней ночи никто там не спал, вчера всё осмотрел маг из башни, семья ночевала у сестры Майлы, печь не топили, хотя утром было холодно, вещи почти все остались внутри, а мук у порога никто не сметал. Женщина в фартуке выслушала этот поток до конца и положила ладонь мужу на локоть.

— Дай им хотя бы слезть с лошадей.

Керст оборвал себя на полуслове. Женщина представилась Майлой Ноль и предупредила, что после третьей ночи её муж почти не спал, поэтому его следует останавливать всякий раз, когда он попытается рассказать всё сразу.

— Я спал, — возразил Керст.

— В сарае.

— Это считается.

— Ты каждые полчаса ходил проверять, не ушел ли дом.

Высокий сухой староста по имени Берс кашлянул и передал Эллиану ключ. Повязка скрывала часть ушиба, полученного при близком знакомстве с дождевым корытом.

— Я не утверждал, что это проклятие, — сказал Берс. — В письме так написала моя жена.

— Вы утверждали, что не боитесь проклятий, — напомнила Майла.

— Это другое.

Каэл окинул взглядом перевязку.

— Корыто было глубоким?

— Достаточно.

— А вода?

— Дождя в ту ночь не было.

— Значит, повезло.

По лицу старосты было ясно, что он оценивает собственное везение иначе.

Дом стоял на восточной окраине, за мастерской и небольшим садом. Два этажа из потемневших брёвен поднимались над низким каменным фундаментом; новая крыша казалась слишком светлой для старых стен, окна блестели свежим стеклом, а кирпичи вокруг недавно переложенной печной трубы ещё не успели потемнеть от дыма. У крыльца росла старая груша, несколькими ветвями почти касавшаяся окна второго этажа. За оградой склон уходил к ручью и зарос лопухами, молодой крапивой и густой травой.

Дверь оказалась прочной, с новыми петлями и простым замком. Пока Каэл обходил дом, отмечая следы под окнами и у калитки, Эллиан закрепил на косяке первую латунную метку и провёл над порогом диагностическим кристаллом. Камень вспыхнул слабым жёлтым светом, погас и отозвался снова, когда рука опустилась ближе к нижней доске.

— Здесь действительно есть старый контур, — сказал Эллиан.

— Насколько старый? — Керст невольно понизил голос.

— Судя по способу укладки, ему не меньше нескольких десятилетий. Возможно, значительно больше.

— Проклятие?

— Пока только магия.

— Какая разница?

— Примерно как между ножом на кухне и ножом в спине. Вернувшийся из-за угла Каэл поднял бровь.

— Иногда никакой, если готовит Элина.

— Твоя сестра вполне умеет обращаться с ножом.

— Я говорил о намерениях.

У фундамента Тарен опустил на корточки и задержал ладонь в нескольких сантиметрах от серого камня. На мгновение ветер возле стены стих, а потом двумя мягкими потоками обошёл дом с обеих сторон.

— Здесь что-то насторожено, — сказал он.

Керст тревожно оглянулся на окна.

— Кто?

— Не кто. Скорее само место.

Эллиан встретился с ним взглядом.

— Наблюдение или впечатление?

— Пока впечатление.

— Хорошо.

Каэл повернул ключ в замке.

— Прогресс. Обычно вы спорите дольше.

Внутри пахло свежей известью, стружкой и остывшей золой. Семья действительно оставила почти всё на местах: на кухонном столе стояли глиняные кружки, возле печи лежали поленья, на лавке у стены осталась аккуратно сложенная детская рубашка. В большой комнате под окном виднелась светлая прямоугольная полоса на том месте, где прежде стоял перенесённый вместе с Керстом стол; после возвращения с площади его поставили ближе к двери.

— Чтобы ему было удобнее? — спросил Каэл.

Керст посмотрел на мебель без малейшей уверенности.

— После той ночи я уже не знаю, кому именно должно быть удобнее.

Эллиан начал осмотр с порога. Старая магия проходила под нижними досками, поднималась вдоль косяка и уходила в стены тонкими неровными линиями, не похожими ни на современный защитный круг, ни на аккуратную академическую схему. Знаки повторяли соединения брёвен, огибали железные гвозди и местами скрывались под новой штукатуркой. Создатель контура не наложил чары поверх постройки, а вплёл их в сам дом.

У печи кристалл отозвался сильнее, у колодезной трубы — почти так же ярко. На втором этаже мерцание появилось под большой поперечной балкой над спальней хозяев. Эллиан сравнил отметки с вчерашним отчётом Сарвела: точки совпадали.

Каэл тем временем присел возле новой кирпичной кладки и провёл пальцем по тонким царапинам на полу. Керст объяснил, что раньше здесь стояла лавка; после второй ночи её нашли у сарая вместе с сестрой Майлы.

— Я на ней сидела, — поправила женщина лет сорока, до этого молчавшая у двери.

Керст обернулся к ней.

— Когда?

— Перед тем как уснула.

— Я про утро.

— Утром лежала.

— Тогда всё правильно.

Царапины тянулись к двери, но исчезали в двух шагах от порога. Каэл осмотрел доски, вышел на крыльцо и вскоре вернулся, вытирая пальцы о штаны.

— Снаружи продолжения нет.

— После дождя могло смыть, — предположил Керст.

— Лавка тяжёлая. Даже на сухой земле остались бы проваленные места, а стол до площади тем более не добрался бы незаметно.

Эллиан посмотрел на нижнюю доску, где старый контур светился особенно ясно.

— До порога предмет движется обычным способом, а дальше происходит что-то другое.

Каэл посмотрел на дверь.

— Значит, вот это место я сегодня особенно не люблю.

— Почему?

— Потому что после него люди исчезают.

Тарен кивнул.

— Убедительная причина.

К полудню они осмотрели крышу, чердак и подвал. Под стропилами Каэл обнаружил старую серебрёную проволоку, а внизу Тарен нашёл тот самый выцветший знак, который срисовал Сарвел: ладонь над квадратом, перечёркнутым четырьмя линиями. В справочнике Эллиана отыскились

несколько похожих символов старых укрытий, но ни один не совпадал полностью.

— Похож, но не совпадает, — сказал Эллиан. — Пока не буду считать его знаком укрытия.

Каэл кивнул.

— Тогда ищем дальше.

— Именно.

— Наконец-то короткий вывод.

От знака в фундамент уходила тонкая линия. Тарен проследил её направление, не прикасаясь к камню, а Каэл вышел во двор и через несколько минут нашёл возле калитки почти стёртый символ на плоской плите. Второй такой же знак обнаружился у деревянного сарая. Оба откликнулись на диагностический кристалл слабым жёлтым огоньком.

— Похоже на приёмные точки, — сказал Эллиан. — Контур подводит человека или предмет к границе дома, после чего перемещает к одной из внешних меток. Поэтому следы обрываются у порога.

Каэл оглянулся в сторону деревенской площади.

— А стол здесь не поместился.

— Возможно, для крупных предметов существует другая точка.

Берс, стоявший рядом, медленно повернул голову к площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.